

хов, поэтесса умолкла. Созданное ею читалось, переиздавалось, лучшее неоднократно включалось в различные антологии наряду со стихами А. Ахматовой, В. Брюсова, А. Блока, К. Бальмонта, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Цветаевой. Это были поэтические сб. «Цветы» (1915), «Сад поэтов» (1916), «Весенний салон поэтов» (1918), но ничего нового из-под пера М. читатели не получали. Последней антологией со стихами М. стал вышедший в 1920 в Симферополе сб. избранных стих. поэтов «Страницы лирики», куда составители включили 3 произведения М.

Последней книгой поэтессы стали переизданные в 1921 Русским изд-вом в Берлине ее «Апельсиновые корки».

Книга была прислана для отзыва в ж. «Новая русская книга», в котором написано о ней: «Одна из лучших книг для детей. Издана тщательно, с рисунками С. Чехонина» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 25). Этот же сб., правда, существенно сокращенный, был еще раз напечатан при советской власти. В 1928 его выпустил Госиздат.

М., подобно мн. писателям, оказалась в эмиграции. В 1921 в Берлине начал выходить ж. «Русская книга», одной из основных задач которого было выяснение судеб русских писателей-эмигрантов. В первом же номере ж. сообщалось: «Мария Людвиговна Моравская принимает участие в нью-йоркском „Новом русском слове“ и читает в Америке публичные лекции». А. Дроздов в те же дни писал в статье «Птица, которая бессмертна» (Русская книга. Берлин, 1921. № 2): «Ныне с отрадой отмечаю я воскресение книги здесь, за границею. Я с отрадой встречаю весть о том, что вот и Юшкевич выбрался из голодной Одессы, и Моравская объявилась где-то там, в Америке, и Чириков приехал в Константинополь в трюме какого-то транспорта». Затем о М. забыли, а сама она исчезла с поэтического горизонта.

Конец жизни М. провела в Соединенных Штатах. В 1946 она из американского г. Майами написала И. Эренбургу, которого помнила как молодого поэта, посвятившего ей в 1915 стих. «Слышишь, как воев волчиха...»: «Я, Мария Моравская, была поэтом в России, а теперь почти разучилась говорить по-русски. Пишу исключительно по-английски». К письму М. приложила свои «старые листочки»: «Пойми же, хоть жизнь стегает, / Хоть в горле ком, / Что мир шагает, шагает / Через Рубикон. / Блуждая, ища дорогу / Сквозь кровь и мрак. / Должны мы идти с ним в ногу / За шагом шаг» (РГАЛИ. Ф. 1204).

Через год М. не стало.

Соч.: Апельсиновые корки. СПб., 1914; На пристани. Пг., 1914; Стихи о войне. Пг., 1914; Золушка думает. Пг., 1915; Прекрасная Польша. Пг., 1915; Мои стихи. Ревель, 1916.

Лит.: Эренбург И. Новые поэтессы // Гелиос. Париж. 1913. № 2. С. 45–46; Брюсов В. Год русской поэзии // Русская мысль. 1914. № 5–7; Брюсов В. Среди стихов. М., 1990.

В. В. Попов

МОРИЦ Юнна Петровна (Пинхусовна) [2.6. 1937, Киев] — поэтесса.

Окончила Лит. ин-т им. А. М. Горького в 1961. Первый сб. стихов «**Разговор о счастье**» вышел в 1957, за ним последовали следующие: «**Мыс желания**» (1961), «**Лоза**» (1970), «**Суровой нитью**» (1974), «**Малиновая кошка**» (1976), «**При свете жизни**» (1977), «**Третий глаз**» (1980), «**Синий огонь**» (1985), «**На этом берегу высоко**» (1987), «**В логове голоса**» (1990), «**Букет котов**» (1997).

Основные особенности творческой личности М.— артистическая страстность, внутренний динамизм, изящная агрессивность и драматизм в восприятии и худож. преображении жизни во всех ее проявлениях,— опре-

Ю. П. Мориц

делились уже в ее раннем творчестве конца 1950–1960-х, резко выделив ее природную и культурную самобытность в плеяде молодых поэтов-шестидесятников, возглавляемой Евг. Евтушенко. В сб. стихов «Мыс желания», посвященном поэтическому освоению Крайнего Севера и Сибири (М. на ледоколе «Седов» пересекла Белое, Карское и Баренцево моря, побывала на Новой Земле, на Таймыре и Диксоне, на сибирских золотых приисках), есть весьма характерное для молодой поэтессы стих. «**Нерпа**» (1956). Сказать, что в нем изображается нерпа, которая, будучи околдованной звуками патефонной музыки, несущейся со зверобойного ледокола, сама самозабвенно несется навстречу своей гибели, было бы не совсем точно, так как нерпа здесь представляет не просто морское животное, а символизирует природную жизнь, которая, будучи зачарованной более высокой, духовной формой жизни — человеческой музыкой, устремляется к этой музыке, не подозревая трагизма такого устремления, контрапунктного соединения в нем воли к жизни и неизбежности смерти. Однако зверобой оказались милосердными к заколдованной музыкой нерпе: «Она ластом волну мешала, / И льдины двигала она. / Казалось, кожа ей мешала, / Как распроклятые колдуна, / И ничего не надо кроме, / Как лечь на палубе бугром / И умолять ценою крови / Расколдовать себя багром. / О чем глаза ее кричали, / Какой в них маялся укор, / Когда от берега отчалил, / Ее не тронув, ледокол? / У бригадира сдали нервы, / И был он добрая душа — / Уплыл, оставя кожу нерпе / Да искус музыки в ушах!»

Динамизм стихов М. родствен балладному динамизму молодого Н. Тихонова. В связи с этой родственностью, вероятно, не случайно, сб. М. «Мыс Желания» вышел под его редакцией. В своем последующем творчестве М. будет часто обращаться как непосредственно к жанру баллады, так и к балладной напряженности ритма, которая будет чувствоваться и в ее не балладных по жанру стих.

Динамическое мировосприятие М. метафорично и метаморфично. В стих. «**Творческим взглядом**» (1978) поэтесса, сама характеризуя его своеобразие, говорит: «Мой ум в метафорах померк, в метаморфозах!» Творческая энергия автора, его творческая страсть придают метафоре характер динамических метаморфоз, которые внутренне преобразуют тот предмет или то явление жизни, на которые направлено восприятие или, по определению М., «третий глаз» поэта. В световой энергии этого «третьего глаза»,

этой «лучистой лампы» растворены и сконденсированы чувственное и рациональное, зрительное и музыкальное, плотское и духовное восприятие. Обращаясь к уму своему, М. говорит: «Но умственные кудри не сильны / По части вещей снов и дивных музык: / Я буду видеть творческие сны, / А ты не будешь — кругозор твой узок. / Вся тайна в том, что глупость каждый раз / Над разумом кудрявым торжествует, / Как только я открою третий глаз / На то, что для тебя не существует. / Я так его открою широко, / Свой третий глаз, лучистую лампаду, / Что распахнется дальний свет легко, / Давая силу творческому взгляду. / Я буду видеть лепестками губ, / Всей кожей, кровью, плотью долговязой. / Для этой цели ум кудрявый груб / И не чета Поэзии трехглазой!»

М. свойствен дар самопознания особенностей своего многогранного поэтического мировосприятия. Еще в стих. «**Осень в России**» из раннего сб. «Мыс Желания» она писала о себе: «Я слышу звуки в каждом цветке...» В зрелую пору она сама заметит, что в ее творческом взгляде на жизнь парадоксально синтезируются не только зрительное и слуховое восприятие, но и все другие, духовные и чувственные, виды восприятия, что она воспринимает жизнь всем своим духовным и телесным существом. Свое кредо она сформулировала в стих. «**О жизни, о жизни — только о ней!**» (1975). Страстностью и динамизмом, метаморфизмом и единством духовно-чувственного восприятия жизни худож. мировосприятие и стиль М. больше всего родственны мировосприятию и стилю М. Цветаевой.

В раннем творчестве М. ее чувственно-духовное, зрительно-музыкальное мировосприятие было более жизнерадостным, чем в зрелую пору. Со временем оно становится более аскетичным и суровым, связанным не столько с восприятием мира природы, сколько с восприятием духовного, культурного, лит. наследия человечества. Духовность в поэзии М. всегда крепко связана с реальной, живой, суровой действительностью, в ней нет ничего отвлеченного, бесплотного, религиозно-мистического. Свое мировосприятие зрелой поры М. выразительно охарактеризовала в стих. «**Суровой нитью**» (1973): «Не оттого ль душа моя здорова, / Что нить моей основы так сурова? / Суровой нитью держится мой дух, / Он как бы недоступен для разрух. / В разлуке с кем должна я сохраниться, / Что столь суровой нитью взор и слух / Прижаты к миру, чтоб рубцом родниться, / Суровой нитью и суровым швом / Со всем живым,

что есть во всем живом? / С каким неистощимым напряжением / Поглощена прядильня умножением / Суровых нитей в лоне мировом! / Суровой нитью братства скреплена / Я с тем и с той, чья нить еще суровой, / Нет разницы — дружна иль влюблена, / Сурова нить, вынослива она, / Равно длинна для дружб и для любовей».

М. много переводит, пишет рассказы, стихи для детей. Ее материнские чувства, глубоко личностные, своеобразные, хорошо выражены в стих. «**Колыбельная**» (1979).

Соч.: Избранное / вступ. статья Евг. Сидорова «О поэзии Юнны Мориц». М., 1982; С языка поэзии — на язык поэзии: [О переводах поэзии] // Лит. газ. 1985. № 27. 3 июля; Когда мы были молодые и чужь прекрасную несли // Лит. газ. 1998. № 8. 25 февр.; Таким образом: Стихотворения: [С иллюстрациями автора]. СПб., 2000.

Лит.: Рунин Б. Поэзия высоких широт: [О сб. стихов М. «Мыс Желания»] // День поэзии: 1962. М., 1962; Марченко А. Контуры мечты // Лит. газ. 1962. 13 мая; Ришина И. ...Это и есть волшебство // Лит. газ. 1978. 8 марта; Григорьян Л. Ведь нет ничего, кроме жизни, кругом...: [рец. на кн. стихов «При свете жизни»] // Нева. 1978. № 10; Ермилова Е. По части вещей снов... // Лит. газ. 1981. 5 авг.; Новиков Вл. Ритм души // Там же; Чупринин С. Юнна Мориц: над уровнем жизни // Чупринин С. Крупным планом. Поэзия наших дней: проблемы и характеристики. М., 1983; Вознесенский А. Мнемозина на метле // Вознесенский А. СС: в 2 т. Т. 2. М., 1984; Новиков Вл. Голос: О стихах Юнны Мориц // Октябрь. 1988. № 10; Бирюков С. Принцип доверчивости // Дет. лит.-ра. 1989. № 3; Фаликов И. Сильным — жизнь, слабым — смерть // Лит. газ. 1997. 1 окт.

М. Ф. Пьяных

МОРОЗОВ Геннадий Сергеевич [10.9.1941, г. Касимов Рязанской обл.] — поэт.

Родился в семье служащего. Окончил Касимовский индустриальный техникум (1961). По распределению был направлен в г. Киров, откуда переехал в Ленинград, где работал в одном из НИИ. Вел ЛИТО при газ. «На страже Родины» (1972–75), заочно учился в Лит. ин-те им. Горького (1975–80). В 1977 стал членом СП СССР, работал редактором в Лениздате.

Первое стих. «**За Окою, словно сабли, зазвенели ливни...**» написано в 14 лет, первая публикация — стих. «**Парни**» (газ. «Молот» (Киров). 27 марта 1963). В качестве постоянного автора публиковался в ж. «Москва», «Наш современник», «Огонек» (лауреат его премии 1977), «Молодая гвардия» (лауреат его премии 1985), «Нева»,

Г. С. Морозов

«Звезда», «Аврора», «Сибирские огни», в альм. «Поэзия», еженедельнике «Лит. Россия». Первый сб. стихов — «**Мещерский городец**» (М., 1974).

Этапы своего творчества определяет «от описательных и сюжетных стихов — к философскому осмыслению внутреннего мира человека, который наиболее полно раскрывается в „чистой лирике“» (**Творческая биография**, 2003. Машинопись. С. 2).

Стих М. — традиционный, свое творчество поэт соотносит с теми истоками, «где постоянно бьет чистейший и неиссякаемый словесный источник русского фольклора» (Творческая биография. С. 2). Любимыми поэтами называет А. Блока, С. Есенина, Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, которым посвятил ряд стих. Ощутимо также подспудное влияние Ф. Тютчева — в мотиве «скрытого томления» природы и «последнего катаклизма» («И нас поцелует черномысливый дождь / в безмолвные губы») и С. Клычкова — в ощущении трагического предзнаменования в природе: «С чего бы так низко к земле припадают / плакучие ветви берез?!»

Основная тема поэзии М. — Россия в многогранности ее звучания. Здесь дают о себе знать и все еще не прошедшая память о войне в родном крае, где «каплет кровью земляника / на прах истлевших блиндажей» (**Посветлело**. С. 32), и голодное военное и послевоенное детство мальчишек, что «донашивали шапки / пропавших без вести отцов» (Там же. С. 12). Поэт пишет о том, как ему